

Виликотская Л.А., канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных наук Старооскольского филиала Московского государственного института стали и сплавов

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ФИЛОСОФИИ Н.Н. СТРАХОВА И П.Е. АСТАФЬЕВА

В статье рассматриваются различные аспекты доктрины национальностей таких оригинальных мыслителей XX века как Н.Н. Страхов и П.Е. Астафьев. Подчеркивается важность этих идеи в современном изучении проблемы национальностей.

В контексте современных споров об этнической, культурной идентичности наследие русских мыслителей второй половины XIX века – Н.Н. Страхова (1828–1896) и П.Е. Астафьева (1846–1893), всё ещё остающихся недооценёнными, – более чем актуально. Причём перечитывания и переосмысления требуют как собственно философские, так и публицистические их работы. В современном дискурсе национального всё большее влияние получает постмодернистская трактовка, настаивающая на сконструированном, созданном характере идентичности. Ей противостоит эссенциалистская (или примордиалистская) трактовка, декларирующая национальность естественной частью бытия человека. Второй подход, по сути, перекликается со страховской и астафьевской позицией, для которой характерен акцент на том, что национальное сознание, национальный характер неискоренимы, задан самой природой.

Вторая половина XIX века для России была отмечена активными поисками путей развития национального самосознания. Предлагались разные варианты. Страхов своей многогранной деятельностью оказался в эпицентре этих «бурных журнальных полемика». Как и другие «почвенники», он критически относился к рецептам революционеров-демократов. Известный исследователь истории русской культуры Н.Н. Скатов подчёркивал «устойчиво консервативные» взгляды Страхова, его неприятие по отношению к

революционно-демократической критике. Сравнивая жизнь и наши мысли о ней, Николай Николаевич замечал, что никакие учения и теории не могут распоряжаться жизнью народа или целой эпохи. «...Народ, умственно развитый, – писал он, – рано или поздно, с колебаниями или неудачами, но непременно достигнет материального благосостояния. Дело не в том, чтобы мы заботились о благосостоянии народа; нужно достигнуть того, чтобы члены самого народа заботились о своём благосостоянии и умели сохранять и оберегать его» (1). Философ неоднократно критиковал свойственную людям склонность преувеличивать свою власть над жизнью, над природой. История тоже представляет собой «органический», естественный процесс. В самой толще народной жизни возникают идеалы, которыми люди руководствуются в своей жизни и деятельности. Вот здесь очень важно указать на то, что Страхов утверждал вред двух крайностей для жизни любого народа: как оскудения идеалов, так и чрезмерного преувеличения их возможностей, ведущих к разочарованию.

Осмысливая деятельность славянофилов, Страхов обнаруживает в ней ошибку, полагая, что они недооценили те многочисленные изменения в жизни россиян, к которым привели реформы Петра I. Более того, он ставит им в вину возникновение нигилистических и революционно-демократических учений. «Все знают, как высоко ценят славянофилы русский народ, какие ве-

ликие ожидания они на него возлагают, какие огромные силы ему приписывают. И вот именно в силу этих великих ожиданий и требований наше умственное движение является им мелким и скудным» (2). Преклонение западников перед европейской мыслью, как показывает Страхов, так же далеко от жизни, как и преклонение славянофилов перед идеалом русской жизни. Не следует впадать в крайности, лучше стремиться правильно описывать жизнь, не преувеличивая ни авторитета Запада, ни ценностей славянства.

Отдельный человек, как выяснил Николай Страхов, не может в своём развитии достичь всесторонности, совмещать в себе все направления человеческой деятельности. Как бы ни была велика учёность отдельного человека, какого бы роста ни достигли умственные силы, он никогда не перерастёт своего народа, а проявит только часть тех задатков, которые лежат в народном духе. Развитие человеческой души в народе достигает высшей степени, но и он не представляет всесторонности, его культура «запечатлена некоторым органическим своеобразием». Неверно сводить народ к слою образованных людей. Подобно С.П. Шевырёву, Н.Я. Данилевскому, Страхов полагает, что результаты деятельности одного народа в существенной мере односторонни. В греческой цивилизации наиболее полно осуществилась идея прекрасного, право и политическая организация общества воплотились в римской, религиозные идеи развивались иудеями, фантазия – Индией, романо-германские народы внесли вклад в развитие наук о природе. Человечество постоянно борется со своей ограниченностью. Даже в таком многосложном деле, как наука, одна народность более способна производить одну работу, а другая – другую. В результате различные народности содействуют постройке общего здания науки.

Чем отличается один народ от другого в умственном и нравственном отношении? Можно ли считать один народ обладателем знания и ума, а другие – нет? Отвечая на эти вопросы, Страхов утверждает, что различия между народами относятся главным образом не к сфере ума,

а к тому, как следует жить и что следует делать, т.е. к области нравов. Притязания же решать вопросы знания народ не имеет. Поэтому, когда в его уме возникают вечные вопросы человеческой мысли, он только гадает, создаёт образы фантазии. В этих гаданиях и отражается склад его ума и понимания жизни. Они бывают неполными, несвязными, противоречащими друг другу. Его вовсе не смущает это отсутствие единства и логического согласия, всегда свойственного знанию (3). Такие убеждения неизбежно должны были столкнуться с суждениями В.С. Соловьёва, отказывавшего русским в национальной исключительности. Страхов полемизировал с ним в течение нескольких лет. Не принадлежа ни к западникам, ни к славянофилам, Соловьёв подверг резкой критике книгу Данилевского, этот «катехизис славянофильства». С точки зрения В.С. Соловьёва, в национальной заключено начало языческое, обособляющее, исключительное само по себе. Оно должно быть подчинено решению вселенских, общечеловеческих задач. Народность (или национальность) должна быть соединена с религиозной идеей; только при этом условии она становится историческим фактом. Причём, в отличие от многих современных теоретиков национального, Соловьёв в своей концепции утверждает главенство религии по отношению к народности. Усиление и развитие народности (так же, как и личности) в её положительном содержании всегда желательно, а развитие национализма и личного эгоизма для Соловьёва всегда вредно и пагубно. По его мнению, руководящее начало принадлежит началу единого человечества как целого.

В связи с этим Н.Н. Страхов писал: «Человечество не представляет собой чего-то единого, «живого целого», а скорее походит на некоторую живую стихию, стремящуюся на всех точках складываться в такие формы, которые представляют большую или меньшую аналогию с организмами. Самые крупные из этих форм... составляют то, что Данилевский называет культурно-историческими типами... Судьба таких групп и составляет настоящий предмет ис-

тории» (4). И позднее, в переписке с В.В. Розановым, он вновь подчёркивает: реальность народностей всё яснее выступает, а человечество – отвлечённое понятие (5). То же и у Астафьева: объединение человечества как целого в одно «живое тело, в совершенный организм богочеловечества», подготовка пришествия царства Божия на земле и нереально, и не нужно. Своеобразность национального духа составляет ту незаменимую личной мыслью почву, на которой развиваются и из которой получают свою мощь, жизнеспособность и глубину общечеловеческие идеалы. Наука и искусство, конечно, одни и те же и для грека, и для римлянина, и для славянина. Но различно то значение, та ценность, какую придаёт каждый из них науке или искусству в совокупности своих духовных задач и богатств. Различны и мотивы, руководящие ими в выборе задач своей науки или искусства, различны и излюбленные приёмы. К сожалению, Астафьев при жизни нередко подвергался обструкции и не имел такого успеха, какой заслуживали его тонкий, сверкающий ум, его искренность, его идеи, с которыми могли не соглашаться люди иных взглядов, но блестящую самообытность коих нельзя было не оценить, в том числе и по данной теме. Национальный дух, полагал он, придаёт общечеловеческим идеалам особую окраску, полноту, определённую формы и внутреннюю правду и действительную силу и прочность. Народный дух как начало глубоко и прочно воспитательное, придающее душевной жизни определённую крепость и страстность, неизбежно сопровождает всякое личное развитие и творчество. Национальное начало имеет высокую моральную ценность и является одним из важнейших положительных руководящих начал жизни.

Самосознание (национальное и личностное), в понимании Астафьева, имеет решающее значение, оно активно. Поскольку человек есть самосознающее существо, он является причиной, виновником не только того, что он сделал, но и того, чем он стал, что он есть. Глубочайшая житейская истина выражена в известном афоризме: «Человек есть то (или становится тем), что он о себе думает». Уверенный в своей собственной лживости и

негодности, человек никогда не решится говорить и действовать смело и правдиво, вынуждая к скрытности и обману тех, кто его окружает, деморализуя их. Тот, кто уверен в своём ничтожестве и бессилии, никогда ничего великого сам не предпримет и другим не даст предпринять хотя бы путём «пассивного сопротивления». Но сказанное о роли самосознания в жизни отдельного человека, достигшего зрелости, всецело подтверждается и в жизни вышедших уже из состояния первобытной естественной непосредственности (культурных) народов. Чтобы энергично жить и устраивать свою жизнь, народ должен составить себе определённое понятие о своих силах и стремлениях, о том, что ему дорого и мило, о своих насущных задачах и проблемах, о себе самом. Он должен обладать определённым самосознанием, глубоко проникающим во всё его мировоззрение. Тщательный анализ показывает, что такое понимание национального самосознания близко содержанию понятия «национальная идентичность», часто встречающемуся в научной литературе. Оно отражает не только определённое отношение индивида и нации, но и критическую рефлексию по поводу этой принадлежности. Важно напомнить, что понятие о национальной идентичности появилось лишь в наше время, когда выявилась множественная, усложнённая природа этнической идентичности, перестали совпадать индивидуальная и коллективная, национальная и культурная идентичности, как это убедительно показал в своей работе Ч. Тейлор (6).

За прошедшие более 100 лет после публикации работ Астафьева и Страхова мир изменился; в современных условиях стали претворяться в жизнь идеи единства, глобализации человечества. Как справедливо отмечает немецкий философ и историк К. Шлегель, «Европу можно определять разными способами: как счастливое место рождения прав человека и эмансипации человека..., как лабораторию неутихающего любопытства и жажды знаний, которые не останавливаются и перед саморазрушением». Но в то же время «Европа от Дахау до Соловков покры-

та метастазами лагерей смерти» (7). И в прошлом, и сегодня объединение человечества осуществляется вполне конкретными людьми, в условиях существования определённых национальных и государственных институтов, и, следовательно, такие характеристики, как: господствующие ценности, традиции, состояние умов, их менталитет, действительные особенные отношения внутри государств и других общностей, необходимо учитывать. Заметим: состояние сознания людей, вовлечённых в процессы глобализации, таково, что, согласно достоверным опросам, лишь малая часть населения интегрирующихся государств приемлет «космополитические ценности», тогда как подавляющее большинство (более 85%) идентифицирует себя с локально-региональными, национальными ценностями. Так что многие суждения наших философов о значении национального не устарели.

Одну из заслуг интересующих нас философов мы видим в разработке вопроса о роли идеалов в человеческой жизни как на персоналогическом, так и на национальном уровне. В понимании Страхова, сила великих идей обнаруживается и в том, что они разжигают и разнуздывают страстные порывы, и в том, что они их подавляют (8). Жизнь и отдельного человека, и целого народа управляется нравственными началами. «Горе тем, которые потеряли руководящий нравственный идеал!» – писал Страхов в другой работе, полемизируя с Дж. Ст. Миллем по женскому вопросу (9). Астафьев считает, что одна из причин умственной и нравственной разладицы людей в XIX веке, от которой они страдают глубже, чем от чего-либо другого, – отсутствие «одного идеала, достаточно общего и сильного для того, чтобы подчинить себе, объединить и направить все бесконечно разнообразные личные страсти и стремления» (10). Среди мыслей русских философов, звучащих вполне актуально в наше время, – и эта, указывающая на отсутствие определённых и ясных стремлений, целей, *оскудение идеала*.

Обращаясь к различным идеалам, Страхов подчёркивает: при попытках оце-

нить народные и общечеловеческие, свои и чужие идеалы истины, добра и красоты важно исходить из одних и тех же критериев, мерок, не ставить разграничения между ними. Их нужно одинаково рассматривать с высших, общих точек зрения. Только при этом условии своё и чужое будут в правильном отношении, поскольку народное, если оно сильно и способно к жизни, проявится само собою в наших стремлениях. Чужое точно так же само собою выделит из себя общечеловеческое, важное для всякого человека и народа, и само очистится от примеси частного и случайного. В результате исследования сущности западного опыта в области просвещения, образования и строительства политических форм жизни Страхов приходит к выводу: западные образцы не могут претендовать на статус общечеловеческих, а значит, не могут быть идеалом для русской нации относительно её будущего развития. Он подробно обосновывает свою позицию в одном из основных своих сочинений «Борьба с Западом в нашей литературе». Необходимо особо обратить внимание на то, что философ не просто с горечью указывал на факт умственного рабства своих соотечественников перед западными писателями, а всесторонне его анализировал и пытался найти пути его преодоления. В то же время он отмечал, что этот факт известен лишь немногим внимательным наблюдателям, а большинством почти не осознаётся (11). Если сознательное подчинение какому-либо авторитету требует высокой умственной деятельности со стороны подчиняющегося, то бессознательное основывается на собственной слабости и сопровождается отречением от права собственного суждения. И получается не что иное, как идолопоклонство, которое поддерживается не внутренней силой мнения, а именем человека, который его высказал. Страхов, как и близкие ему Ф. Достоевский и Ап. Григорьев, был убежден: человечество будет жить полной жизнью только тогда, когда всякий народ разовьётся на своих началах и принесёт от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону.

Итак, одна из идей почвенников, не утратившая своё значение для современной теории и практики, – необходимо вдумчиво и критически относиться к достижениям других народов и стран, избегать прямого и некритического заимствования различных форм и институтов западно-европейской жизни.

В работах Астафьева утверждается, по сути, то же самое: «Усвоены, заимствованы могут быть только те или другие общечеловеческие начала, идеи, но не самый духовный, законченный строй их, всегда у народа, доросшего до культурности, до самосознания, своеобразный, неподражаемый, неповторяемый» (12). Если какие-то идеи, интересы не получают закрепления в строе мысли народа, его культуре, они становятся слишком отвлечёнными и могут волновать лишь отдельных тонких ценителей науки или знатоков искусства. «Наука или искусство сами по себе, конечно, одни и те же и для грека, и для римлянина, и для еврея, и для славянина. Но различно для каждого из них то значение, та ценность, какую придаёт он науке или искусству в совокупности своих духовных задач и богатств; различны и мотивы, руководствующие каждым из них в выборе задач своей науке или искусству, заставляющие его предпочитать одну задачу другой, направляющие его духовную деятельность в ту или другую сторону; различны и излюбленные каждым из них и наиболее удающиеся ему приёмы исследования и доказательства так же, как и художественного творчества» (12).

К сожалению, Россия остаётся страной крайностей и перекосов, ей ещё предстоит решить задачу – стать нацией, уважающей себя. И западный, и восточный опыт управления социальными процессами, реформирования общественной системы одинаково важны для нашей страны. Всё вышеотмеченное убеждает в актуальности духовного наследия Н.Н. Страхова и П.Е. Астафьева для современности. В поисках путей и средств нравственного очищения и стабилизации общества следует обращаться к идеям, разработанным в их трудах. Но это вовсе не означает, что апология национального

является панацеей от всех сегодняшних бед; не стоит недооценивать и то положение, что самоидентичность современных наций должна быть адекватной условиям общества, которое становится всё более глобальным.

Список литературы

1. *Страхов Н.Н.* Из истории литературного нигилизма (1861–1865). – СПб., 1890. – С. 120.
2. *Страхов Н.Н.* Бедность нашей литературы. – СПб., 1868. – С. 7.
3. *Страхов Н.Н.* Мир как целое. Черты из науки о природе. – СПб., 1892. – С. 268.
4. *Страхов Н.Н.* Наша культура и всемирное единство // Русский вестник. – 1888. – № 6. – С. 235.
5. *Розанов В.В.* Литературные изгнанники // Страхов Н.Н. и Говоруха-Отрок Ю.Н. Воспоминания. Письма. – М.: АГРАФ, 2000. – С. 120.
6. *Taylor Ch.* Sources of the self: The making of the modern identity. – Cambridge, 1996. – 601 p.
7. *Мотрошилова Н.В.* Идеи единой Европы: философские традиции и современность. – Ч. 1 // Вопросы философии. – 2004. – № 11. – С. 15.
8. *Страхов Н.Н.* Борьба с Западом в нашей литературе: Исторические и критические очерки. – СПб., 1882. – Кн. 1. – С. 213.
9. *Страхов Н.Н.* Женский вопрос. Подчинённость женщины: Сочинение Джона Стюарта Милля... – СПб., 1869 // Заря. – 1870. – № 2. – С. 145.
10. *Астафьев П.Е.* Психологический мир женщины, его особенности, превосходство и недостатки // Философия нации и единство мировоззрения. – М.: Москва, 2000. – С. 245.
11. *Страхов Н.Н.* Философские очерки. – Киев, 1906. – С. 147.
12. *Астафьев П.Е.* Национальность и общечеловеческие задачи // Философия нации и единство мировоззрения. – М.: Москва, 2000. – С. 32, 34.